

ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНИНА И ГОСУДАРСТВА

Мезенцев Д.Ф.¹, Забарин А.В.²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail zavalex@yandex.ru

В статье выделяются три модели отношений гражданина и государства. В модели отношений гражданина и государства, основанных на усмотрении властителя, эталоном справедливости является государь. Он организует жизнь граждан, руководствуясь соображениями целесообразности. Отношения между государем и гражданами выстраиваются на следующих психологических основаниях: 1) страх применения насилия; 2) зависимость гражданина от государя; 3) традиция, которая упрочивает сложившиеся стереотипы социальных ролей гражданина и государственного человека; 4) авторитет государя. Вторая модель – это модель отношений гражданина и государства, основанных на субъективном праве. Субъективное право – это право, характер реализации которого зависит от воли и сознания субъекта. Отношения между законом и гражданином выстраиваются на следующих психологических основаниях: 1) декларируется, что законное решение чиновника есть критерий справедливости; 2) картина мира гражданина, которой определяется его понимание государственных и гражданско-правовых институтов, должна задаваться юристами; 3) установление для гражданина приоритета юридических норм над социальными; 4) отождествление справедливости с требованием дифференцированного назначения наказания, выносимого чиновником; 5) представление об обеспечении действенности закона рыночными механизмами. Третья модель – это модель отношений гражданина и государства, основанных на объективном праве. Объективное право – право, характер реализации которого не зависит от воли и сознания субъекта. Отношения между законом и гражданином выстраиваются на следующих психологических основаниях: 1) закон как критерий справедливости; 2) известность и понятность закона для гражданина; 3) соответствие закона этническим традициям, правилам, ценностям, существующим в обществе; 4) действие закона в государстве должно быть одинаковым для всех граждан; 5) закон должен быть действенным, а не формально записанным. Проводится анализ соответствующих этим моделям эталонов социальной справедливости и особенностей восприятия государства и закона гражданином.

Ключевые слова: социальная справедливость, психология гражданина, психология законодательной деятельности, психология восприятия власти, этническая психология, социальные и юридические нормы.

PSYCHO-POLITICAL MODELS OF RELATIONSHIP OF THE CITIZEN AND STATE

Mezentsev D.F.¹, Zabarin A.V.²

¹ Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, e-mail political.psychology@spbu.ru

² Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, e-mail zavalex@yandex.ru

In the article three models of the relations of the citizen and the state are allocated. In the model, based on the discretion of the ruler the standard of justice is sovereign. He organizes the lives of citizens, guided by expediency reasons. The relationship between the sovereign and citizens are built on 1) the fear of application of violence; 2) the dependency of a citizen from the ruler; 3) the tradition that reinforces stereotypes of social roles of the citizen and the stateman; 4) the authority of Emperor. The second model is based on a subjective law. Relationship between the law and the citizen are built on 1) the lawful decision of the official is the criterion of justice; 2) The citizen's picture of the world should be set by lawyers; 3) the establishment for the citizen of national priority of legal rules on social norms; 4) identification of Justice with the demand for differentiated punishment, which is taken out by the official; 5) The idea of ensuring the effectiveness of the law with market mechanisms. The third model is based on an objective law. Relationship between the law and the citizen are built on 1) the law is the criterion of justice; 2) popularity and clearness of the law for the citizen; 3) compliance of the law to ethnic traditions, values existing in society; 4) action of the law should be identical to all citizens; 5) the law should be effective, instead of formally written down.

Key words: social justice, psychology of the citizen, psychology of legislative activity, psychology of perception of the power, ethnic psychology, social and legal norms.

Введение

Социальная справедливость воспринимается сегодня скорее как тема для философов, публицистов и мечтателей от политики, чем как предмет психологического исследования. Диагнозом общества провозглашается отсутствие социальной справедливости. Даже юристы охарактеризовали принцип справедливости как относительный и условный в современных реалиях. Именно государство пытается играть конкурентную роль главного учредителя социальной справедливости в светском мире для своих граждан, устанавливая, организуя исполнение и охраняя юридические нормы.

Любое сообщество живет по своим неписанным законам. Это нормы, правила поведения, которые отражают существующие в сообществе ценности и выражают потребности большинства. Эти неписанные законы упорядочены чьей-то волей, чьей-то идеей, чьей-то сущностью. В государстве это упорядочение осуществляется правовой системой. Правовая система, созданная законодателем, должна обеспечивать сознательное соблюдение гражданами установленных норм. Когда граждане страны перестают сознательно соблюдать нормы, по которым живет сообщество, возникает ситуация «закона джунглей», «закона тайги», «закона рынка», или беспредела (аномии). Сознательное соблюдение норм гражданином и есть выражение его веры в социальную справедливость государства. Утрата гражданского доверия к государственным институтам привела и к обесцениванию в массовом сознании главного психологического продукта деятельности государства – социальной справедливости. Для того, чтобы понять причины этих психолого-политических изменений, необходимо выявить модели отношений гражданина и государства, основанных на различных эталонах социальной справедливости, что и является целью нашего исследования. Исследование осуществлялось с использованием методов моделирования, культурно-исторического анализа и контент-анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ психолого-политических механизмов осуществления государственной власти позволяет выделить три исторических модели взаимодействия гражданина и государства:

Первая модель – это модель отношений гражданина и государства, основанных на усмотрении властителя. Во главе государства находится государь, который организует жизнь граждан, руководствуясь соображениями целесообразности. Соответственно, каждый гражданин должен руководствоваться велениями государя и установленными законами. Отношения между государем и гражданами при таком эталоне справедливости выстраиваются на следующих психологических основаниях:

Во-первых, такие отношения могут быть основаны на страхе применения насилия. Государь обладает эффективным репрессивным аппаратом, который обеспечивает эффективное гражданское повиновение. Каждый гражданин убежден в неотвратимости наказания за

неисполнение или нарушение воли государя. Наиболее яркие примеры установления таких отношений предоставляет нам история деспотий и тираний. И сегодня многим наивно хочется верить, что в современном мире власть страха (террократия) уходит в прошлое.

Во-вторых, отношения могут быть основаны на зависимости (экономической, информационной и др.) гражданина от властителя. Властитель обладает монополией на ресурсы, в которых нуждается гражданин или осуществляет распределение таких ресурсов. Для поддержания такой зависимости ресурсы у гражданина должны быть всегда в дефиците. Особый источник зависимости представляет собой и потребность гражданина в безопасности, защите и ограде от произвола со стороны других. Чем сильнее потребность, тем выше начинает оцениваться сила власти, наводящая порядок.

В-третьих, отношения могут быть основаны на традиции – той самой власти вечно вчерашнего, о которой писал еще Конфуций. На традиции, которая упрочивает сложившиеся стереотипы социальных ролей гражданина и государственного человека.

Но самым значимым психологическим основанием таких отношений выступает авторитет государя. Долгосрочная устойчивость авторитета определяется возможностью государя выступать для гражданина в качестве эталона справедливости. Гражданин должен воспринимать усмотрения государя, его волю как олицетворение справедливости. Естественным образом такая ситуация складывается при признании гражданином внеобыденного личностного дара (харизмы) государя. Но, увы, харизматические личности на троне встречаются не так часто. Да и система всего государственного управления не может строиться в расчете на уникального человека. Поэтому возникает задача сформировать восприятие социальной роли государя как наиболее эффективной силы, способной ответить на стоящие перед обществом вызовы. Каким образом решается эта задача?

Давайте посмотрим на абсолютную монархию российского образца. Над государством высился «великий государь», самодержец. Его компетенция в области управления была безгранична. Государственная власть была предметом его неограниченной воли. Вся жизнь народа и все его отношения – политические, нравственные, семейные, экономические, правовые – все подлежало ведению Верховной власти. Не было вопроса, который считался бы не касающимся царя, и как заявлял Иван Грозный, за каждого подданного он даст ответ Богу «аще моим несмотрением согрешают» [3, с. 47].

Царь был не только блюстителем справедливости, внутреннего порядка и внешней безопасности. Он провозглашался направителем всей исторической жизни нации, попечителем развития национальной культуры.

Такой образ социальных функций царской власти следует дополнить и описанием ее юридических правомочий: Верховная власть, – писал в Курсе государственной науки Б.Н.

Чичерин, «едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присуща и есть источник всякой государственной власти» [10, с. 60].

Она не подчиняется ничьему суду, «ибо если бы был высший судья, то ему бы принадлежала Верховная власть. Она – верховный судья всякого права. ... Словом, это власть в юридической области полная и безусловная» [10, с. 62].

Царь наделялся естественным правом действовать по царской прерогативе «вне всего конституционно-условного, вне законных установленных норм, сообразуясь только с обязанностью дать торжество правде высшей, нравственной, Божественной» [10, с. 117]. Такое действие признавалось хотя и не противным праву, но находящимся вне его.

Почему для гражданина выстраивался такой приоритет верховной власти в отношении права? В модели психолого-политических отношений, построенных на принципе усмотрения властителя, гражданин должен, прежде всего, верить в справедливость самого властителя. На этой вере, на вере в доброго царя – батюшку, в идеале здесь должна держаться вся власть государства. Эту веру в царя как последнюю инстанцию правды, справедливости и великодушия закреплял и институт помилования. Исключительным правом помилования приговоренного к смертной казни обладал царь, а соответственно именно царь, имеющий в этой ситуации право даровать жизнь, и должен был восприниматься как последняя надежда осужденного.

Поэтому и гражданин должен воспринимать право в данной модели отношений, прежде всего, как установления того, кому верят. Безусловный авторитет властителя определяет и соответствующую оценку справедливости установлений того, в ком говорит божественная воля. Несправедливым для гражданина при такой расстановке приоритетов может быть какой-то чиновник, даже закон, которому неведома конкретная ситуация, в которой оказался гражданин, но не воля государя.

Расстановка данных акцентов осуществляется разделением справедливости на законную и нравственную. Констатируется, что как бы ни был совершен и современен закон, он устанавливает лишь средние нормы справедливости, а люди живут конкретными нормами, которые постоянно бывают то выше, то ниже средней. Поэтому во многих случаях законная справедливость не совпадает со справедливостью нравственной.

Нравственная справедливость, которую олицетворяет воля монарха, выше законной справедливости. И, соответственно, справедливое наказание – это наказание, отвечающее «нравственной справедливости», то есть воле монарха.

Гражданин должен воспринимать идеальное государство в рамках этой модели отношений как государство, в котором присутствует «всенародная вера в правду и в государя как олицетворение этой правды» [10, с. 300]. Обеспечение справедливых межчеловеческих

отношений, защиту общества от преступлений составляет не закон, не кара, не власть наблюдающая, а всенародная вера в правду, ее святость и ее всемогущество. Утверждается, что «Правда выше закона, закон только и свят как отблеск правды» [10, с. 300]. Действенность упроченного в народном сознании олицетворения правды в образе царя подтверждается тем, что даже после запрета Петром первым под страхом смертной казни жаловаться на непосредственных чиновников, поток прямых челобитных к царю не прекратился [1].

Такие социальные ожидания, конечно, предъявляют совершенно исключительные требования к социальной роли властителя. А средство соответствовать им называл еще Ж.Ж. Руссо: «Самый сильный никогда не бывает настолько силен, чтобы оставаться постоянно повелителем, если он не превратит своей силы в право, а повиновения ему – в обязанность» [9, с. 21]. Как это можно сделать в условиях, когда власть монарха находится над законом? Превращение силы в право (легитимизация власти) осуществляется через признание божественной природы правителя. Ход понятный, поскольку устойчивость системы государственного управления не может зависеть от наличия или отсутствия харизмы правителя.

С другой стороны, таким актом власть мирская ставится в зависимость от власти церковной. И мы знаем из истории, что не единожды возникал конфликт между царской и церковной властью. Собственно и концепция иного мира, иного царства – это политический ход церкви из этого конфликта. В случаях, когда первенство над религиозной властью одерживал государь, религия начинала сочетать в себе веру в божество с верой в правителя. Она учила граждан, что служить государству – это значит служить богу, погибнуть за страну – совершить мученичество, нарушить законы – совершить грех и стать нечестивцем.

Вторая модель – это модель отношений гражданина и государства, основанных на субъективном праве. Под субъективным правом мы вслед за древнеримскими юристами понимаем право, характер реализации которого зависит от воли и сознания субъекта [7].

Данный образец справедливости предполагает, что для каждого гражданина правоприменитель сможет выбрать свой индивидуальный наиболее правильный вариант применения закона. Гражданин должен воспринимать идеальное государство в рамках данных представлений о социальной справедливости как государство, в котором осуществляется компетентное, своевременное, эффективное принятие решений чиновниками. Объективная необходимость такой модели отношений усматривается в том, что поскольку законотворчество это, якобы, перманентный процесс, постоянная изменчивость и несовершенство которого предопределяются объективными социальными изменениями, эти недостатки способен восполнить только государственный человек.

Отношения между законом и гражданином при таком эталоне социальной справедливости выстраиваются на следующих психологических основаниях:

А. Декларируется, что законное решение чиновника есть критерий справедливости. И закон должен предусматривать возможность решения чиновником данного вопроса по своему усмотрению. В этом залог социальной полезности и применимости закона. Отметим, что на практике, классический правоприменитель редко обладает авторитетом и мудростью Соломона. Поэтому недостаток личностного авторитета чиновника система стремится компенсировать созданием ситуаций зависимости гражданина от решения, принимаемого чиновником.

Б. Мера доступности, понятности закона для гражданина. Закон должен давать каждому гражданину самое общее представление о юридической норме. Полное содержание закона может быть раскрыто лишь на основе специальных юридических знаний. Картина мира гражданина, которой определяется его понимание государственных и гражданско-правовых институтов, должна задаваться юристами. Рядовой гражданин не должен формировать самостоятельных суждений в этой области, а полагаться на мнение экспертов.

В. Установление для гражданина приоритета юридических норм над социальными. Гражданин при такой модели отношений должен усвоить, что главный в государстве – это чиновник, применяющий закон. Для этого целесообразно поставить закон над этническими традициями, правилами, ценностями, существующими в обществе. Еще вопрос – являются ли этнические традиции, правила, ценности законными? Вопрос, который, опять же, должен быть разрешен чиновником.

Г. Отождествление справедливости с требованием дифференцированного назначения наказания, выносимого чиновником [6]. Якобы, справедливость всегда относительна. Поэтому при одинаковой общественной опасности содеянного применение одинакового наказания к разным людям было бы несправедливым. Якобы, лишь профессиональный чиновник сможет, изучив все обстоятельства дела, вынести объективное решение. Отсюда – для обеспечения справедливости в наказании необходимо предоставить судье широкие возможности: наличие санкций с различными видами и пределами наказания, специальные правила назначения наказания при различных обстоятельствах, возможность назначения более мягкого наказания, применения условного осуждения и т.д.

Д. Представление об обеспечении действенности закона рыночными механизмами. Эта идея во многом плод сегодняшнего времени и суть ее в следующем. Государство должно обеспечить конкуренцию среди организованных групп, заинтересованных в принятии данного закона. Конкуренция среди групп давления, лоббистов объявляется залогом действенности и качества принимаемых законов.

Корпоративные интересы представляются как групповые интересы граждан, которые «преступно не представлять во власти». Поскольку «правительство лоббирует нужные ему законы», то в этом законном интересе не могут быть ограничены неправительственные, коммерческие организации, частные лица.

Лоббизм провозглашается одним из важнейших институтов демократии, таким институтом, который один и может взять на себя обязанность выражать весь тот спектр общественного интереса, который официально не представлен в органах власти и управления.

Третья модель отношений – это модель отношений гражданина и государства, основанных на объективном праве. Под объективным правом понимается право, характер реализации которого не зависит от воли и сознания субъекта. Объективное право не приурочено к конкретному субъекту и не связано с его волеизъявлением и личным усмотрением. Оно представляет собой общеобязательное, безличное правило, которым, независимо от роли гражданина в государстве, нельзя распоряжаться как чем-то личным, индивидуальным.

Главная посылка к установлению объективного права как эталона справедливости в том, что в государстве гражданин должен доверять закону, а доверие это в глазах гражданина более всего дискредитируется чиновником, который этот закон применяет по своему усмотрению. Поэтому у чиновника не должно быть права произвольно трактовать законы по своему усмотрению (творить произвол от имени закона [5]). Гражданин должен воспринимать идеальное государство как государство, построенное на авторитете законов.

В законах должны отражаться базовые ценности сообщества, являющиеся залогом его существования и процветания. Еще Ж.Ж. Руссо, анализируя механизмы организации различных государств, сделал вывод о том, что когда законы начинают требовать постоянных изменений со ссылкой на изменяющиеся социальные условия, это первый признак того, что в государстве больше нет законодателей [9].

Отношения между законом и гражданином выстраиваются при данном эталоне социальной справедливости на следующих психологических основаниях:

А) закон как критерий справедливости. Неизменное существование в обществе различных субкультур со своими ценностными координатами приводит к тому, что поступок, справедливый с точки зрения одной субкультуры, может считаться образцом несправедливости с позиций иной субкультуры. И здесь есть два пути. Первый путь – это путь секты, путь тоталитаризма. Его суть можно выразить формулой: кто не с нами – тот против нас. Кто не признает единственно правильную модель демократии, прав человека – тот враг демократии, тот враг прав человека. (Это путь тоталитарной власти). Второй путь – путь уважения к

различным культурам, путь признания прав этносов на самостоятельное культурное развитие, на собственную этническую картину мира, на собственную модель прав и свобод человека.

Естественным следствием мультикультурализма является и наличие различных акцентов в понимании добра и зла, справедливого и несправедливого, красивого и уродливого, истинного и ложного. Но в том и суть человеческая, что люди могут договариваться, выходить на какие-то единые, общие для всех категории. На таких единых и общих для всех основах (для христиан и мусульман, для иудеев и буддистов, для атеистов, панков, авангардистов, представителей любых иных культур и субкультур) и должны формироваться законы. Поэтому единственным общим критерием справедливости и для гражданина, и для государственного человека может быть лишь закон. С момента его принятия законодателем этот закон и должен рассматриваться всеми в качестве эталона справедливости.

Предписания закона не могут становиться предметом насмешек со стороны отдельных выразителей общественного мнения. И каждый такой случай должен становиться предметом особого разбирательства. Либо закон требует доработки, либо насмешка есть покушение на общественный порядок. Культура уважения к закону должна быть предметом особой заботы информационной политики государства. Но эта культура будет формироваться только в том случае, если у гражданина будут реальные основания для уважения к закону. Если российским законом гражданин ставится в менее выгодные условия в сравнении с гражданином иностранного государства, то какую культуру уважения к закону это может сформировать?

Не случайно самым страшным для гражданина было оказаться без защиты закона. Формирование подобного отношения к закону осуществлялось через провозглашение гражданской смерти в отношении лиц, преступивших закон. Преступники объявлялись вне покровительства законов данного государства. Практика эта уходит корнями в глубокую древность¹.

Устойчивость модели отношений, построенных на принципе объективного права, требует, чтобы авторитет законов был здесь безусловным. Никто и ничто не может перечить закону. Закон должен господствовать над всякими приказами, от кого бы эти последние не исходили, при условии их противоречия закону. Никакие подзаконные нормативные акты и толкования не могут отменять или изменять положения закона. А что происходило у нас? В 90-е г. указы президента повально противоречили, а по сути и подменяли собой законы.

Б) известность и понятность закона для гражданина.

¹Последствия гражданской смерти, изложенные во французском кодексе (ст. 25) Code pénal 1810 г. охарактеризованы как «последствия, которые наступают при физической смерти: брачный, семейственный союз осужденного расторгается сам собою, к имуществу его открывается наследование по закону, завещательные распоряжения, даже предшествующие потере прав, признаются недействительными; приобретенное впоследствии имущество переходит после физической смерти осужденного к государству как выморочное имущество».

Закон представляет собой власть государства. И закон властвует либо для гражданина, либо для каких-то иных структур. Самый простой способ определить это – оценить, насколько понятен гражданину тот или иной закон. Гражданин как исполнитель закона должен воспринимать закон однозначно.

Когда гражданин не понимает смысла установленной правовой нормы, возникают игры с толкованием закона.

Когда гражданин не знает единой для всех санкции за нарушение правовой нормы, он не может адекватно оценить то, насколько справедливо наказание. Как следствие субъективно воспринимаемой несправедливости наказания появляется возмущение, политическая агрессия. Начинаются политические игры правозащитников, иных политических организаций;

Насколько справедливым будет восприниматься гражданином закон, если даже высшие юридические инстанции дают ему разные толкования?

А как я, как гражданин, буду выстраивать свои отношения с другими гражданами, если у нас будет разное восприятие и понимание закона? С соседями, например? Главное, что не убей, не укради, а в остальном полагаясь на свою или их совесть? Если кто-то (та же реклама, например), используя незаконные способы, нас обманывает, то это всегда плохо. А если кто-то объединился в корпорацию, то он уже может играть на законе и отыскивать законные способы для оптимизации прибыли? И это уже хорошо с точки зрения этой корпорации (банка, предприятия). Этот глупый чудак в договорах ничего не смыслит и верит во все, что пишут, даже на заборах. Пусть платит за свою глупость. А мы честные и порядочные, как Мавроди, и все делаем по закону.

Как, например, верующий православный гражданин должен выстраивать свои отношения с затеявшими панк-молебен девушками из группы pussyriots? У них очень отличающиеся общественные ценности, к которым апеллирует закон. О каком нарушении этических норм мы можем говорить применительно к инсталляции арт-группы «Война» (рисунок фаллоса на Литейном мосту) до тех пор, пока наше министерство культуры само финансирует проведение в культурной столице всяких «Монологов вагины» (Мьюзик-холл)? И начинаются игры уже на уровне общественного мнения. Одна часть общественности заявляет о нарушении закона, другая говорит: закон соблюдается. Какую справедливость в таком законе сможет найти гражданин? Законодатель критериев не дает, а потому, кто что хочет, то и понимает.

Незнание закона не освобождает гражданина от ответственности. Но означает ли факт публикации закона его знание и понимание гражданином? Например, Водный кодекс РФ устанавливает штраф за размещение автомобилей на определенном расстоянии от водоемов в зависимости от размеров водоема. Знакомство с этой правовой нормой исполнительная власть

обеспечивает гражданину лишь в момент взимания штрафа. На аналогичном банальном незнании гражданином правовых норм «зарабатывают» и многие другие государственные службы. Какое уважение к закону и к государственному служащему формируется в ходе такой практики? А исполнительная власть за необеспечение (реальное, а не формальное) знания законов гражданами не несет никакой ответственности.

Но никто простому гражданину закон не дает и по той причине, что дать ту уйму законов, которая у нас создана, невозможно. В большинстве своем они абсолютно ненужные. Сначала приняли закон об экстремизме, теперь решили принять особый закон об оскорблении чувств верующих. Применительно к фильму-провокации «Невинность мусульман» единогласно заявили, что это экстремизм. А та же выходка pussyriot была квалифицирована судом как хулиганство. Потому, как вопрос стал вопросом политическим. К какому выводу должен прийти гражданин, анализирующий подобного рода практику? Что это в принципе просто игра? То есть, чем больше законов, тем менее становится понятно для гражданина законодательство и основания законодательства. А чем непонятнее закон, тем проще варьировать им как угодно и кому угодно.

В) соответствие этническим традициям, правилам, ценностям, существующим в обществе.

Идеальным для гражданина в рамках данной модели отношений должен быть образ государства, в котором совпадают социальные и юридические нормы. Поскольку права человека возникают в обществе, в системе ценностных координат, в системе верований и традиций данного общества, то и закон должен восприниматься гражданином как отражение этнических ценностей [2]. В законе гражданин должен видеть средство защиты слабых (вдов, сирот) против сильных, сограждан против чужеземцев, средство поддержания и охраны порядка и т. д. Характер этих ценностей может быть очень различен. Что означает для традиционной мусульманской женщины появиться в общественном месте без хеджаба? Да это все равно, что выйти на улицу голой. Кастовую систему в Индии законодательно отменили в 1950 году, но этническое сознание индусов продолжает устойчиво воспроизводить ее и руководствоваться во взаимоотношениях кастовыми правилами.

Права человеку всегда представляются этносом, в котором он живет, и задаются этнической культурой. Никаких естественных присущих человеку от рождения и независимых от этнической культуры прав не существует [4]. Этническая культура с ее набором предписаний представляет собой то объективное (в понимании юристов) право, которым определяется содержание всех частных я-могу (субъективных прав).

Утверждение приоритета субъективного права над правом объективным выглядит тем парадоксальней, что историческая производность и зависимость юридических норм от норм

социальных признается, а вот в отношении т.н. естественных прав человека появляется исключение. Благие намерения лиц, осуществивших этот подлог, вроде бы ясны: устранить с помощью международных организаций деструктивные элементы различных этнических культур. Но эти благие намерения обернулись тем, что естественные права человека стали сегодня политическим жупелом, излюбленной картой политических манипуляций, узаконившей беспрецедентное вмешательство во внутренние дела других стран под предлогом восстановления нарушенных там прав и свобод личности. Поскольку право имеет национальную, этническую специфику, то верховной инстанцией оценки справедливости может быть только национальный закон.

Г) действие закона в государстве должно быть одинаковым для всех граждан.

Культура уважения к законам не может быть сформирована в условиях, когда закон, по факту, оказывается для каждого свой [8]. Закон, узнавший исключения, перестает восприниматься в качестве меры справедливости для гражданина.

Сам факт того, что действие закона может быть для кого-то приостановлено, создает в общественном мнении убеждение в том, что закон может исполняться по-разному, а стало быть, правит в государстве не закон.

А что мы имеем в России? Един ли закон для гражданина и законодателя, прокурора, судьи, президента?

Правоведы утверждают, что неприкосновенность депутата или парламентский иммунитет является важнейшей правовой гарантией его деятельности. Гарантия эта якобы «не является личной привилегией, а имеет публично-правовой характер, призвана служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом личности парламентария в силу осуществляемых им государственных функций, ограждая его от необоснованных преследований, способствуя беспрепятственной деятельности парламентария и тем самым — парламента, их самостоятельности и независимости».

Посмотрим на данную ситуацию глазами гражданина. Гражданина пытаются убедить в том, что, если право не подлежать уголовной, административной ответственности закрепляется не за конкретным человеком, а за должностью, то это уже не привилегия, а «гарантия публично-правового характера, призванная служить публичным интересам». В чем же тогда заключаются эти «публичные интересы»?

В массовом сознании граждан, живущих по принципу – «от сумы и от тюрьмы не зарекайся», существование подобной привилегии для депутатов порождает очень опасный стереотип: хорошо быть депутатом в России. Депутат не подлежит ответственности. И эта практика конвертируется не только в мотив обрести депутатское кресло для разных криминальных элементов. Увы, и такие случаи не редкость. Страшнее другое. Законодатели,

которым граждане доверили создать законы, законы, которые должны будут властвовать над всеми гражданами, первым делом освободили себя из-под действия этих законов под предлогом «обеспечения повышенной охраны законом личности парламентария в силу осуществляемых им государственных функций» и «ограждения его от необоснованных преследований». Что же это за законы такие создают законодатели, по которым должны жить все граждане, и которые могут порождать необоснованные преследования? Если принимаемые законы не способны обеспечить самое главное – защиту личности от произвола, то зачем нужны для гражданина такие законы или законодатели, которые принимают такие законы? Какое доверие к этим законам формируют законодатели в этом случае у рядовых граждан?

Еще одно печальное следствие подобной практики: то, что гражданское правосознание усваивает принцип: хорошо бы дорасти до депутата, тогда делай, что хочешь: оттаскай за волосы журналистку с ее неудобными вопросами, брось стакан в оппонента, учини публичную драку в парламенте, обложи кого-нибудь трехэтажным матом. Законы тебе не страшны. Законы, ответственность, они для простых смертных.

Д) закон должен быть действенным, а не формально записанным.

Если закон записан и не соблюдается, это уже не закон. Это дискредитация закона.

Определяющим критерием эффективности деятельности законодателей является не количество, а качество законов. Качество же определяется действенностью. Формальным критерием действенности является выполнимость. Если принятое на основе закона административное решение или решение суда не может быть выполнено, это означает, что законодатель не проработал механизм реализации этого закона. Такой закон способен лишь дискредитировать всю систему правосудия. Законодатель разработал закон, судья в соответствии с этим законом принял решение, а решение исполнено быть не может. Зачем, спрашивается, вхолостую работала в этом случае вся система? Зачем гражданину нужен закон, который не может быть реализован? На ком в данном случае лежит ответственность? На законодателе.

Содержательным критерием действенности можно считать понимание и поддержку гражданами этого закона и сознательное следование установленным нормам. Иными словами, закон, прежде всего, должен осуществлять профилактику преступлений. В противном случае право превращается в профанацию, пустую формальность, подрывающую доверие к закону. У нас же и здесь порой доходит до смешного. Показателем эффективности работы законодательного собрания или Федерального собрания называют количество принятых законов, которое больше в сравнении с прошлым годом на столько-то процентов.

Заключение

Каждая из трех рассмотренных моделей отношений гражданина и государства представляет собой сложнейшую систему со своей особой системой ценностных координат, логикой, философией, идеологией. Каждая из них имеет свои очевидные плюсы и минусы и, будучи моделью, редко встречается в практике в чистом виде. Мы проанализировали выделенные модели и соответствующие им эталоны социальной справедливости, рассмотрели характерные для каждой модели особенности восприятия государства и закона гражданином. И этот анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Объективным эталоном справедливости для гражданина может быть только закон. А закон становится объективным только в том случае, если он не позволяет исполнителю вмешиваться в характер его исполнения.

2. Отсутствие объективности в праве не позволяет отдельному человеку, субъекту исполнения закона, даже если он и «сама святость», выносить объективные административные и судебные решения. На откуп его субъективным мироощущениям законодатель отдает судьбы других людей, и он волен принимать решения не только в категориях «виновен или не виновен», но и в вынесении меры наказания.

3. Отсутствие объективности в праве порождает беспредел законов, а беспредел законов порождает и беспредел в поведении масс.

Работа выполнена за счет средств федерального бюджета, выделяемых СПбГУ (НИР № № 8.38.89.2012 «Психолого-политическая модель взаимодействия гражданина и государства»).

Список литературы

1. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. – М.: Норма, 2007.
2. Зимичев А.М., Забарин А.В. Политическая толерантность: Восток-Запад // Вестник С-Петербур. Ун-та. – 2009. – Вып. 4. – С. 175-183.
3. Иван IV Грозный. Сочинения. СПб., 2007.
4. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. – СПб, 1875. Ч. 1.
5. Леони Б. Свобода и закон. – М.: ИРИСЕН, 2008.
6. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 2000.
7. Памятники римского права: Законы 12 таблиц, Институции Гая, Дигесты Юстиниана. М., 1997.
8. Политические и правовые аспекты воспитания Гражданина // Вестник политической психологии. – 2003. – № 2 (5). – С. 3-20.

9. Руссо Жан Жак. Об общественном договоре или принципы политического права. – М., 1998.

10. Чичеринъ Б. Н. Курсъ государственной науки. – М., 1894.

Рецензенты:

Зимичев А.М., д.псх.н., профессор кафедры общей психологии ЧОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт психологии и акмеологии», г. Санкт-Петербург.

Худяков А.И., д.псх.н., профессор кафедры организационной психологии РГПУ им. Герцена, г. Санкт-Петербург.